

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК: ЧТО УДИВЛЯЕТ ИНОСТРАНЦЕВ

Этот язык считают родным 48 млн. человек (38 млн. граждан Польши и 10 млн. жителей других стран). На нем создана богатая литература, причем четыре мастера слова получили Нобелевскую премию – Генрик Сенкевич, Владислав Реймонт, Чеслав Милош и Вислава Шимборска, а два уроженца теперешней Беларуси – Адам Мицкевич и Элиза Ожешко – стали польскими писателями-классиками. Кроме того, поляки имеют давние лингвистические традиции. В середине прошлого века вышел в свет 11-томный «Словарь польского языка» под редакцией Витольда Дорошевского. Позже были изданы академическая грамматика и «Энциклопедия польского языка». В последние 10–15 лет переиздаются классические учебники по языку и создаются новые справочники. Многие польские языковеды являются всемирно известными учеными, среди них Ежи Курилович и Анна Вежбицка. В Польше выходит более десяти лингвистических периодических изданий. Богатая культура и глубокие лингвистические труды привлекают к польскому языку все больше людей во всем мире.

Поговорку *Polacy nie gęsi* («поляки не гуси») знает в Польше и стар и млад. Ее произносят с гордостью за свой народ, хотя при чем тут гуси – так сразу и не поймешь. Оказывается, мы имеем дело с сокращенным вариантом поговорки (такое нередко случается: вспомните, к примеру, «пьяному море по колено, а в луже он утонет»), полностью же она звучит как *Polacy nie gęsi, swój język mają*. К тому же слово *gęsi* будет здесь уже не существительным, а прилагательным, и поэтому перевести эту фразу следует как «у поляков не гусиный, а свой язык». Данное высказывание приписывают отцу польской литературы Миколаю Рею, жившему в XVI веке. В то время гусиным языком называли любой диалект или жаргон. Таким образом, смысл поговорки сводится к следующему: поляки не гогочут как гуси, они говорят не на «гусином языке», а по-польски, у них есть свой язык, что вызывает закономерную национальную гордость [1, с. 8–9]. В начале XXI века кажется немного странным, что когда-то польскому языку приходилось доказывать свое право называться национальным, но тем не менее польский язык действительно прошел трудный путь формирования – выделения из праславянского языка и обособления от других западнославянских языков: чешского, словацкого, кашубского, полабского, серболужицких.

А началось все с XIV века, когда под влиянием великопольских (Познань, Гнезно) и малопольских (Краков) диалектов сложились единые нормы польского литературного языка, что нашло отражение в первых памятниках письменности – поэтическом гимне «Богуродзица» и прозаических Свентокшиских проповедях.

ГРАФИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

В первых памятниках письменности уже отчетливо видны мучительные попытки поляков приспособить латинский алфавит для нужд своей речи, а именно: изобрести буквы для мягких и шипящих согласных, носовых гласных, а также для различавшихся в ту эпоху долгих и кратких гласных. Казалось бы, придумать маленький значок, который будет условно обозначать тот или иной звук, – проще простого, однако сделать это так, чтобы новая буква заметно отличалась от других знаков языка, была удобна в написании и в конце концов прижилась, то есть начала использоваться всем народом, оказалось очень сложно (см. обзор всех попыток: [2, с. 248–249; 3, с. 42–48]). Только с развитием печатного дела в XVI веке польская графика была более-менее унифицирована. Долгие гласные стали отмечать по чешскому образцу вертикальной чертой,

и даже после исчезновения противопоставления гласных по долготе/краткости в польском алфавите сохранился реликт тех времен – *ó* [u].

Носовые гласные краковские первопечатники предложили писать с дугой под буквой, правда, [oⁿ] тогда звучал почти как [aⁿ], поэтому по традиции мы используем в печати знаки *a* [oⁿ] и *e* [eⁿ].

Мягкие согласные до сих пор передаются на письме двойко: либо с черточкой – *ś, ź, ć, dź, ń*, либо с буквой *i*, которая не произносится, а лишь указывает на мягкость согласного, – *si, zi, ci, dzi, ni*, ср.: *dzień* (день), *sieć* (сеть), *zielen* (зелень). Двузнаки с *i* употребляются только перед гласной, в остальных случаях пишется буква с черточкой.

Твердый эль, произносимый как белорусский звук [ŷ], отличается на письме от полумягкого эль горизонтальной (или диагональной) чертой, которая проходит по середине буквы: *Ł, ł*. В рукописном варианте строчная буква оказывается, конечно, неудобной, так как слишком похожа на *l*, поэтому опознавательная черта передвигается вверх и ставится над буквой. Такое серьезное различие между печатным и рукописным знаками является камнем преткновения для иностранцев, которые, особо не задумываясь над этим, рисуют на письме печатную букву.

И наконец, для обозначения согласных звуков [ш], [ж], [ч], [дз], [х] поляки воспользовались идеей западноевропейских языков и изображают их как двузнаки: *sz, rz, cz, dz, ch*. Но и тут не все просто. К примеру, звуку [ж] соответствует и диграф *rz*, и знак *ż*, что порождает омофоны типа *może* (может) и *morze* (море), которые нередко становятся мишенью языковой игры, как в следующем стихике:

*Pojedziemy na Pomorze,
jak Pomorze nie pomoże,
to pomoże może morze,
a jak morze nie pomoże,
to pomoże może Wolne Miasto Gdańsk.*

Таким образом, способы передачи на письме польских звуков оказываются явно избыточными, поэтому время от времени предпринимаются попытки их

упростить и хотя бы слегка упорядочить (так, в конце XIX века польские языковеды безуспешно пробовали использовать для шипящих вместо двузнаков чешские буквы *š, č, ž*). Однако здесь уже безраздельно правит бал ее величество традиция.

ВОСПРИЯТИЕ НА СЛУХ

Из звуковых (фонетических) особенностей польского языка самой значительной оказывается постоянное ударение, фиксированное на предпоследнем слоге слова. Такое ударение особым образом организует не только лексему, но и фразу в целом. Это проявляется прежде всего в том, что польские слова всегда произносятся с гласными полного образования, то есть без ослабления (редукции), ср.: *motor* [motor] и *мотор* [матор]. Кроме того, постоянное ударение способствует более жесткой ритмической организации целого высказывания. Дело в том, что в польском языке довольно много разного рода безударных слов (энклитик): краткие формы местоимений, некоторые союзы, частицы, подвижные окончания глаголов. Их место в предложении относительно глагола-сказуемого и друг друга строго фиксировано, как в следующем высказывании: *Zrobił no byś mi się grzeczniejszy* («вел бы ты себя у меня, наконец, получше», пример Т.С. Тихомировой [4, с. 202]). В истории же развития польского языка именно постоянное ударение способствовало появлению целой группы новых слов, образованных путем сращения старой формы повелительного наклонения и формы существительного, например: *bawidamek* («дамский угодник», буквально: развлекай даму), *chwalipięta* («хвастун», буквально: хвали пятку), *dusigrosz* («скряга», буквально: души грош), *gryzipiórek* («канцелярская крыса», буквально: грызи перо), *liczykrupa* («скряга», буквально: считай крупу), *mąciwoda* («смутьян», буквально: мути воду), *obieżyświat* («скиталец», буквально: беги мир), *pędziwiatr* («ветрогон», буквально: догони ветер), *waligóra* («силач», буквально: вали гору), *wiercipięta* («непоседа»,

Самые распространенные польские имена

Adam (Адам)
Agnieszka (Агнешка)
Alicja (Алицья)
Andrzej (Анджей)
Barbara (Барбара)
Bartłomiej (Бартломей)
Danuta (Данута)
Elżbieta (Эльжбета)
Ewa (Эва)
Franciszek (Франтишек)
Grażyna (Гражина)
Grzegorz (Гжегош)
Helena (Хелена)
Henryk (Хенрык)
Jan (Ян)
Jerzy (Ежи)
Julia (Юлия)
Kasper (Кацпер)
Karol (Кароль)
Karolina (Каролина)
Katarzyna (Катажина)
Kinga (Кинга)
Konstanty (Константы)
Krystyna (Крыстына)
Krzysztof (Кшиштоф)
Leszek (Лешек)
Łukasz (Лукаш)
Magdalena (Магдалена)
Małgorzata (Малгожата)
Maria (Марья)
Mateusz (Матеуш)
Paweł (Павел)
Piotr (Петр)
Przemysław (Пшемислав)
Tadeusz (Тадеуш)
Tomasz (Томаш)
Wojciech (Войцех)
Zdzisław (Здислав)
Zofia (Зофья)
Zygmunt (Зыгмунт)

буквально: верти пяткой), *wyrwidąb* («си-
лач», буквально: вырви дуб) и др.
Ярким отличием звукового строя поль-
ского языка на фоне всех других славян-
ских являются также два носовых гласных
a [oⁿ] и *e* [eⁿ]. Польский унаследовал их от
праславянского языка, потом, почти поте-
ряв, возродил заново. Польские носовые
гласные часто сравнивают с французскими
носовыми, в отличие от которых польские
гласные обозначаются на письме одной
буквой, но произносятся как два звука.
Из-за этой бифонетичности (раздельного
произношения) польским носовым давно
прочат полное исчезновение, но они до сих
пор живут и здравствуют [5, с. 38–39].
Еще одно своеобразие польской фонети-
ки – наличие среднеязычных согласных
ś, ź, ć, dź, которые, с одной стороны, зна-

malusienieczki... и так до ста штук! Поль-
ские справочники по культуре речи пе-
стрят рекомендациями: не используйте
чрезмерно много уменьшительно-
ласкательных слов, мол, они не всегда
уместны [6, с. 93–96]. Но не тут-то было!
В сочетании с шипящими *sz* [ш], *ź* [ж],
cz [ч] среднеязычные согласные прочно
вошли в скороговорки и потешные стиш-
ки и приобрели масштаб национальной
забавы. Поляки могут ошеломить любого
иностранца скороговоркой типа:

– *Nie pieprz, Pietrze, pieprzem wieprza,
wtedy szynka będzie lepsza.*

– *Właśnie po to wieprza pieprze,
żeby mięso było lepsze.*

– *Ależ będzie gorsze, Pietrze,
kiedy w wieprza pieprz się wetrze.*

ПРИЧУДЫ ГРАММАТИКИ

На уровне грамматики самыми ярки-
ми особенностями польского язы-
ка следует признать противопоставление
лично-мужских и женско-вещных форм и
наличие подвижных окончаний глаголов.
Название лично-мужских и женско-
вещных форм красноречиво говорит об
их значении. В качестве примера переве-
дем на польский язык предложение «они
вернулись уставшие». У нас получится две
разные фразы: *Oni wrócili zmęczeni* и *One
wróciły zmęczone*. В первом высказывании
речь идет о мужчинах, во втором – о жен-
щинах, но это все же не будет фактом дис-
криминации...

Лично-мужские формы появились в
польском языке в XVIII веке. Их можно
расценивать как последствие неполного
развития категории одушевленности, ко-
торая охватила во множественном числе
лишь существительные, называющие лиц
мужского пола, минуя названия живот-
ных и птиц и все существительные жен-
ского рода.

Как известно, категория одушевленности
является семантико-грамматической, то
есть одушевленными считаются те су-
ществительные, которые называют жи-
вые существа (людей, животных, птиц)
и/или у которых форма винительного

Варшава – город
Варша (имя Варш
было уменьшительной
формой мужского
имени Вартислав)

чительно увеличивают количество мяг-
ких звуков в речи, а с другой – пополня-
ют ряды шипящих согласных из-за своего
«шепелявого» произношения. Пожалуй,
именно эти очаровательные и немного
смешные звуки придают речи поляков
неповторимый колорит деликатности и
нежности и подсознательно вызывают
бурную, подчас неудержимую любовь по-
ляков к уменьшительно-ласкательным
существительным и степеням качества
прилагательных. Ну в самом деле, в ка-
ком еще языке от прилагательного *mały*
(маленький) можно образовать ласко-
вые формы *maluśki, malusieńki, maluteńki,*

падежа совпадает с формой родительного падежа.

Так вот, в польском языке в единственном числе будет актуально деление существительных мужского и женского рода на одушевленные и неодушевленные, а во множественном числе – на лично-мужские и женско-вещные. Причем судя по приведенному выше примеру это противопоставление проявляется не только в совпадении или несовпадении форм винительного и родительного падежей, но и в особых окончаниях именительного падежа, которые получают лично-мужские существительные и слова, согласующиеся с ними, ср.: *Polak* (поляк) – *Polacy* и *ptak* (птица) – *ptaki, ojciec* (отец) – *ojcowie* и *plac* (площадь) – *place, redaktor – redaktorzy* и *teatr – teatry*, мои – *moi, moje*, высокие – *wysocy, wysokie*, шли – *szli, szły*. Данные формы широко применяются в стилистических целях: в положительном, уважительном значении употребляются лично-мужские формы (*ci profesorowie* – эти профессора), а в уничижительном значении – женско-вещные формы (*te profesory* – какие-то там профессора). Более того, лично-мужские формы как самые молодые из всех форм рода легко приобретают дополнительное значение и могут употребляться по отношению к смешанному обществу (скажем, если речь идет о женщине и животном или даже о женщине и предмете). Откровенно забавным выглядит использование лично-мужских форм в сказках о животных: они помогают грамматически противопоставить главных героев второстепенным и также грамматически персонифицируют их, употребляясь в прямой речи любого животного.

Не менее наглядной для понимания своеобразия польской грамматики оказывается история так называемых подвижных окончаний глаголов. Дело в том, что польские глаголы имеют в прошедшем времени и сослагательном наклонении довольно длинные личные окончания, ср.: *widzieliśmy* (мы видели), *widzilibyśmy* (мы бы видели). Эти окончания развились из формы бывшего глагола-связки,

не исчезнувшего, как в русском языке, а слегка упростившегося фонетически и присоединившегося к основному глаголу. Но они все еще «помнят» о своей относительной свободе, поэтому запросто отделяются от глагола и цепляются к одному из первых слов в предложении. Например, поляк не скажет *Dawno tam nie byliśmy*, а только *Dawnośmy tam nie byli* («мы давно там не были»).

Подвижные окончания изредка встречаются в книжной речи даже в формах настоящего времени, являясь составной частью глагола *być* (быть). Связано это с тем, что из старых славянских форм настоящего времени *есмь, еси, есть, есмь, есте, суть* польский язык сохранил только формы 3-го лица *jest* и *sq* [soⁿ], остальные формы были вытеснены формой *jest* с

личными окончаниями сродни окончаниям прошедшего времени. Вот как это происходило [7, с. 80, 128]:

(*ja*) *jest jeśm'* → *jestem*,
(*ty*) *jest jeś* → *jesteś*,
(*my*) *jest jesmy* → *jesteśmy*,
(*wy*) *jest jeście* → *jesteście*.

Показательно, что из всех славянских языков формы настоящего времени глагола *być* развивались таким образом только в польском. (Похожее явление наблюдалось еще и в русском языке, в котором, однако, форма 3-го лица *есть*, вытеснив все другие формы, стала и сама редко употребляться.) Кстати, эта история

Вроцлав – тезка Варшавы. Название этого города образовано от того же имени Вартислав, только в его северной форме Вротислав

Полотно Юзефа Мехоффера «Майское солнце» является одной из любимейших картин поляков. Иностранцу оно рассказывает не только об идиллической жизни в польской усадьбе начала XX века, но и о такой особенности польского предложения, как весьма частое использование прилагательного после существительного, с которым оно согласуется. Словосочетания «существительное + прилагательное» свойственны официальным названиям учреждений (*Uniwersytet Warszawski*), отличительным признакам предмета (*palto zimowe*), научным терминам (*zdanie proste*). Оригинальное название картины «*Słońce majowe*» – это совсем не то же самое, что *majowe słońce*. Изменив обычный, «повседневный» порядок слов, художник получает возможность с помощью средств грамматики сообщить зрителю, что освещенная весенним солнцем веранда является для него воплощением счастья, а майское солнце символизирует не просто отрезок времени, а самый радужный период жизни. Этот дополнительный смысл усиливается за счет противопоставления: ведь все говорящие по-польски понимают, что словосочетание *słońce majowe* становится в один ряд с такими выражениями, как *powstanie listopadowe* (ноябрьское восстание) и *powstanie styczniowe* (январское восстание), олицетворяющими страдания народа. Таким образом, данные словосочетания следует оценивать как межконтекстуальные антонимы. Конечно, при переводе на любой другой язык философский смысл названия картины неизбежно пропадает.

оказывается поучительной и в практическом плане. Ведь наши соотечественники, изучая польский язык, безбожно путают глагольные формы *jest* («есть», от глагола *być*) и *je* («ест», от глагола *jeść*), а языковая интуиция здесь бессильна помочь им, так как все остальные глаголы получают в 3-м лице единственного числа в качестве окончания один лишь гласный без согласного *t* (ср.: *pisze* – пишет, *chodzi* – ходит, *czyta* – читает). Знакомство с историей развития форм столь частотного глагола *być* позволяет оценить их как исключение из правила спряжения польских глаголов в настоящем времени.

Показательно, что чужеродность основы в 1-м и 2-м лицах ощущается и поныне, в частности тогда, когда окончание глагола *być* становится подвижным и его основа редуцируется, ср.: *Glupiś = Glupi jesteś* (ты глуп), *Jam hrabina = Ja jestem hrabiną* (я графиня). Подчеркнем, что польский глагол может позволить себе обходиться без основы исключительно в настоящем времени: ни в прошедшем, ни в условном наклонении такое немислимо.

Наличие в современном польском языке подвижных окончаний глаголов уравнивается и поддерживается присутствием сложных глагольных форм. Так, потихоньку исчезает, но все же до сих пор употребляется давнопрошедшее время (плюсквамперфект), ср.: *byliśmy przyszli* – «были пришли». Бытуют две сложные формы будущего времени, которые уже никак не различаются по значению: с инфинитивом типа *będziemy robić* и с элевым причастием типа *będziemy robili*. Наряду с простыми формами условного наклонения встречаются и сложные формы, например в афоризме С.-Е. Леца *Gdyby się była jeszcze bardziej spóźniła na randkę, byłbym został Petrarcką* («если бы она тогда еще больше опоздала на свидание, я бы уже был Петраркой»). Очевидно, если бы в польском языке не было регулярно употребляющихся подвижных окончаний глаголов, то и редкие сложные формы утратились бы давным-давно.

В целом же можно говорить о том, что подвижное окончание и основа глаго-

ла образуют в польском предложении своеобразную рамочную конструкцию, в чем-то схожую с глагольной рамочной конструкцией немецкого языка. Такая конструкция является «каркасом» предложения, фиксируя с помощью «раздвижной» глагольной формы его начало и конец. Правда, в немецком эта конструкция оказывается более жесткой и имеет чисто синтаксический характер, в то время как в польском языке главенствует все же фонетика (безударное окончание присоединяется к первому слову фразы, имеющему сильное логическое ударение).

ЗАГЛЯНУВ В СЛОВАРЬ

В лексике польского языка имеется много славянских слов, пришедших из праславянского языка или образованных позднее от праславянских корней, а также заимствований в основном из следующих языков:

латинского (*apetyt, atrament, cebula, kolor, kolumna, natura, sens*);

немецкого (*chleb, czasopismo, grosz, lekarz, listonosz, szlachta, winda*);

чешского (*brama, hańba, hojny, starosta, twarz*);

итальянского (*bomba, cera, fontanna, impreza, parapet, szpada, tulipan*);

турецкого (*bohater, buława, kaleka, kobierzec, tapczan, torba*);

венгерского (*giermek, hejnał, kontusz, orszak, szereg*);

французского (*fotel, fryzjer, kamizelka, prezent, rekin, renta, serwetka*);

русского (*bałamut, chata, czupryna, duży, hałas, odzież, znachor*);

английского (*finisz, komputer, mecz, pulower, spiker, sport, wagon*).

Обращает на себя внимание тот факт, что поляки весьма лояльно относятся к заимствованным словам и быстро осваивают их грамматически, то есть подбирают для каждого существительного соответствующий тип склонения, изменяя по падежам все, что хоть как-то можно вписать в свою грамматическую систему. К примеру, склоняемыми являются существитель-

ные *kino, metro, palto, radio*, а такие латинские заимствования на *-um*, как *muzeum, gimnazjum, imperium, centrum, terytorium*, хоть и не изменяются в единственном числе (уж слишком «диковинная» у них флексия), зато непременно склоняются во множественном числе.

Успешно пользуются поляки и таким необычным средством освоения заимствований, как «придумывание» беглых гласных, которые характерны все-таки только для исконно славянских слов, однако ср.: *mebel – mebli, sweter – swetra, flamaster – flamastra, figiel (проказа) – figla, ganek (крыльцо) – ganku, handel (торговля) – handlu, kufer (сундук) – kufra*. Невероятно, но таким же образом потомки Леха относятся даже к некоторым фамилиям иностранцев: с беглым гласным склоняются фамилия немецкого политика Мартина Лютера (*Luter – Lutra*) и фамилия шведского ученого Альфреда Нобеля (*Nobel – Nobla*).

И наконец, для первичного освоения заимствованного слова полякам достаточно оказывается хотя бы записать его по-польски: *xero – ksero, quiz (викторина) – kwiz, fax – faks, gin – dzin, quasi – kwazi*. Причем графика используется также для «усыновления» иностранных имен собственных: фамилия польского композитора французского происхождения Шопена пишется не только как *Chopin*, но и как *Szopen*; вместо английской формы *Shakespeare* употребляется польская *Szekspear*; американский город Вашингтон именуется по-польски *Waszyngton*, и даже президента США Джорджа Вашингтона поляки по-своему называют *Jerzy Waszyngton*.

Как известно, лексика наиболее чутко из всех языковых уровней реагирует на различные перепады настроения в обществе. В «панибратском» отношении к заимствованиям наглядно проявляется толерантность поляков, их открытость в общении с иностранцами, что способствует повышению интереса к этому языку, а также к культуре и истории поляков.

Татьяна ВЕРНИКОВСКАЯ,
кандидат филологических наук ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Kopaliński, W. *Koty w worku, czyli z dziejów pojęć i rzeczy* / W. Kopaliński. – Warszawa, 1993.
2. *Encyklopedia języka polskiego / pod red. S. Urbańczyka*. – Warszawa, 1992.
3. Ананьева, Н.Е. *История и диалектология польского языка* / Н.Е. Ананьева. – М., 2004.
4. Тихомирова, Т.С. *Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем* / Т.С. Тихомирова. – М., 2006.
5. Nagórko, A. *Zarys gramatyki polskiej* / A. Nagórko. – Warszawa, 1996.
6. Bralczyk, J. *Mówi się. Porady językowe profesora Bralczyka* / J. Bralczyk. – Warszawa, 2001.
7. Walczak, B. *Zarys dziejów języka polskiego* / B. Walczak. – Wrocław, 1996.